

Чего не могут политические партии	...5
Проект автономии – не утопия	...15

Cornelius Castoriadis. Ce que les partis politiques ne peuvent pas faire (1979); Le projet d'autonomie n'est pas une utopie (1993)

Перевод по изд.: Cornelius Castoriadis. Une société à la dérive. Entretiens et débats (1974-1997) Editions du Seuil Paris 2005.

Перевод с французского – Борис Скуратов, Наталья Осипова
Редакция перевода – проект letterra.org

Все права защищены © автор, переводчик, серия letterra.org, 2012.
ISBN 978-5-8163-0088-9 (серия letterra.org: 016)

for presentational & educational purposes only

ЧЕГО НЕ МОГУТ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ¹

Как вы думаете, какая реальность стоит за термином «социальный эксперимент»? Как по-вашему, подходит ли он для характеристики новых общественных движений?

Этот термин кажется мне двусмысленным, и даже лишенным невинности. Похоже, он представляет новым нечто такое, что им не является, но чье значение всегда умаялось или даже игнорировалась официальными «левыми» организациями. В нашем культурном пространстве – и это становится прозрачным и массовым, по меньшей мере, с конца XVIII в. – имела место череда попыток и действий, направленных на конкретное изменение условий жизни людей, включая, само собой разумеется, условия труда. Это началось с возникновением рабочего движения: последнее никогда не было и не могло быть только движением, просто оспаривающим установленный строй; одновременно оно было движением самоорганизации или, если воспользоваться любезным мне термином, самоустановления – позитивного самоустановления, разумеется. Это выражается в том, что следовало бы назвать формами социального творчества, а не «экспериментирования». Например, это выражается в формировании первых профсоюзов, касс взаимопомощи, кооперативов и т. д., словом, через совокупность разных видов самоорганизации рабочего класса, благодаря которым он сложился как класс в полном смысле этого слова. Ибо чтобы существовал рабочий класс, недостаточно капиталистических машин: эти машины вызывают к жизни категорию людей, являющихся пассивными объектами эксплуатации, некий «класс в себе». Рабочий же класс становится классом «для себя», складывается как класс исторический в той мере,

¹ Интервью Жоэля Романа о «политическом эксперименте», взятое 20 апреля 1979 г. и опубликованное в *Critique socialiste* (теоретический орган Объединенной социалистической партии (PSU)), по 35, июнь 1979 г. Мы использовали транскрипцию, прочитанную и исправленную Касториadisом в мае 1979 г.

в какой он самоорганизуется, творит – и создает *себя*. Это движение самоустановления рабочего класса, наполняющее XIX в. в тогдашних развитых странах, впоследствии прикрывается бюрократизацией рабочих организаций. И все-таки оно не остановилось.

Затем возникло женское движение. В этом случае тоже – разве не странно говорить о «социальном экспериментировании»? На протяжении почти столетия благодаря ежедневной, анонимной и в значительной степени скрытой деятельности женщины мало по малу изменили свое положение – а тем самым и положение мужчин – разрушили тысячелетние табу, потрясли установки и нравы так, что это возымело не поддающиеся расчету и, наверное, еще до конца не предвиденные последствия. И произошло это не благодаря «политическим» или другим специальным организациям. Движение за освобождение женщин¹ и пр. – явления последних десяти-пятнадцати лет. Переменами мы обязаны огромному числу женщин, изменивших установки и более или менее навязавших это изменение мужчинам. Стало быть, перемены произошли благодаря женщинам, которые в самом деле нечто *создали*: изменили установленный порядок отношений между полами. Какой смысл называть это «экспериментированием»?

Точно так же дела обстоят на протяжении двадцати пяти с лишним последних лет с движением молодежи. А в более недавнее время – с другими движениями, которые уже невозможно определять, исходя из какой-нибудь социальной «категории» (вроде «рабочего класса», «женщин» или «молодежи»). Живущие в некоей местности или объединенные общими интересами и тревогами люди сплачиваются и пытаются делать нечто своими силами. Зачем называть это «социальным экспериментированием»? Чтобы скрыть политическую и идейную пустоту современного «левого движения»? В этом случае люди действуют не ради «экспериментирования», а чтобы что-то сделать, что-то создать. Называется ли это «экспериментированием» потому, что не помещается в рамках идеологий и программ официальных политических организаций? Это, в частности, верно для женских и молодежных организаций, которые тайно подавлялись, презирались и не принимались в расчет официальными организациями

¹ Движение за освобождение женщин (MLF) – возникло в 1970 г., делится на три крыла: марксистское, феминистское (радикальное и умеренное) и психоаналитическое. – Прим. пер.

до тех пор, пока последние не захотели приспособить их под себя.

Почему люди занимаются такой деятельностью? Потому что они поняли, что ни государственные учреждения, ни партии не отвечают их стремлениям и потребностям; что эти организации неспособны им соответствовать (иначе люди попытались бы воспользоваться ими для своей деятельности). Например, если сформировались экологические организации, то произошло это не только потому, что существующие партии не занимались соответствующей проблемой, но также и потому, что люди осознают, что если партии и говорят об экологии, то исключительно на демагогических основаниях, и что с этими партиями дело никогда не будет обстоять иначе.

В то же время люди более или менее отчетливо уразумели, что абсурдно подчинять всякую деятельность «Революции» или «взятию власти», после каких-либо свершений все проблемы будут якобы решены: это колоссальная мистификация, гарантирующая, что после «Революции» не будет решено как раз *ничего*. Движения, стремящиеся к самоорганизации и частичному самоуправлению предприятий, являют собой, с одной стороны, выражения конфликта, раздирающего современное общество, выражение борьбы людей против устоявшегося порядка, а с другой – подготавливают нечто иное: пусть в эмбриональной форме в них выражается и воплощается воля людей взять судьбу в свои руки и под собственный контроль.

Не следует ли нам вслед за некоторыми авторами считать, что эти движения, скорее, приходят на смену разваливающимся институтам или же служат новому классовому компромиссу с крупной буржуазией, нежели приводят к политическому преобразованию общества?

Говорить, что пока режим существует, он подчиняет все своему контролю, было бы тавтологией. Но разве мы станем бороться, например, против свободы прессы или будем равнодушными к ней из-за того, что система приспособливает к себе свободу прессы или включает ее в себя? Почему тогда не применить это рассуждение к профсоюзам, где оно окажется гораздо более уместным – ведь теперь, и уже давно, профсоюзы пред-

ставляют собой «шестеренки» функционирования системы, поскольку не может существовать современной капиталистической страны, «либеральной» или даже тоталитарной, без профсоюзов, организующих рабочий класс? Это краткое рассуждение. Мы видим, как оно применимо к истории и эволюции капиталистического производства и его организации. Система определенным образом организует производство и эксплуатацию; трудящиеся придумывают защитные средства и борются против этой организации; рано или поздно система интегрирует или приспособливает эти средства под себя; поле битвы смещается, трудящиеся изобретают новые способы борьбы и т. д. Это и есть история.

Но, кроме того, за приводимым вами аргументом проступает концепция «политики», сводящейся к столкновению между партиями, оспаривающими управление государством. Это не только ограничительная, но еще и *бюрократическая* концепция политики.

Поэтому политические партии представляют собой, скорее, тормоз, чем средство развития социального творчества?

Конечно. Такая концепция политической деятельности неизбежно приводит к тому, чем являются партии: бюрократическими организациями, притязующими (несмотря на более или менее неустойчивую идеологию) на то, что нашли Архимедову точку для преобразования общества – *овладей государственным аппаратом, а остальное приложится!* Этим-то и объясняется слепота партий в отношении того, что происходит с новыми движениями, а также тот факт, что эти «авангардные» организации предстают жалко влачащимися далеко в арьергарде событий. Гениальные политические лидеры и блистательные теоретики (с опозданием кто в пять лет, кто в десять, а кто в двадцать лет) открыли рабочее самоуправление – а мы говорили о нем с 1947 г.; открыли повседневную жизнь – а мы говорили о ней с 1955 г.; женщин и молодежь – а мы говорили о них с 1960 г. Несколько дней назад в *Le Monde* я прочел, что г-н Сеги¹ совершенно серьезно провозг-

¹ Жорж Сеги (р. 1927) – французский политический и профсоюзный деятель (член политбюро ФКП (1956-1982); генеральный секретарь Всеобщей конфедерации труда (CGT) (1967-82). Участник Сопrotивления (с 1942 г.), за-

ласил на каком-то там собрании ВКТ, что проблема условий труда нова и важна, но трудна, и что следовало бы ее более обстоятельно изучить, прежде чем ввязываться в борьбу. Без шуток! Этот «вождь» рабочих и его конфедерация открыли в 1979 г. «новую» проблему условий труда – проблему, над которой рабочие бьются с тех пор, как появились капиталистические заводы, т. е. практически уже два столетия.

По отношению к этим движениям «левые» партии практикуют две – никоим образом не исключают одна другую – установки. Первая – соответствующая реальным устремлениям этих партий – состоит в том, что они говорят: нам нужно войти в правительство, провести национализацию и пр., а остальное приложится. Вторая заключается в трансформации новых требований в декоративные виньетки, в простое украшательство, представляемое рядом демагогических уступок. Женщины отстаивают свои права? Ну, хорошо; постановим, что 30% руководящих постов должны занимать женщины – как если бы эти постановления что-нибудь решали. Аналогично этому: люди развивают какую-то деятельность, чтобы изменить жизненные условия? Ну, хорошо; назовем это «социальным экспериментированием» и объявим «интересным». «Экспериментированием» по отношению к чему? По отношению к «установленным» истинам, вписанным в «программы» партий. Ведь как таковые «левые» партии, независимо от намерений и идей индивидов, в них входящих, представляют собой организации, не выходящие за рамки управления и распоряжения извне и сверху.

Итак, по вашему мнению, выход из создавшегося положения совершенно не зависит от современных политических партий. Но доходите ли вы до того, чтобы полностью поставить под сомнение сам принцип политической организации?

Решают, разумеется, не политические партии в том виде, как они существуют. Точнее говоря, эти партии существуют для принятия другого – бюрократического – решения, будь оно реформистским или тоталитарным. Но, разумеется, это не решает нашу проблему, а если решает, то разве что негативно.

ключенный концлагеря Маутхаузен (март 1944 – май 1945). – Прим. ред.

Преобразование общества не состоится без явственно выраженной и разъясненной политической деятельности. Политическая деятельность с необходимостью является коллективной. Значит, нам нужен политический коллектив, который борется и действует ради преобразования общества, ради учреждения автономного общества. Эта коллективная организация должна будет выполнить ряд существенных задач: распространять и растолковывать подлинное содержание происходящей борьбы и развертывающихся движений, обсуждать их значение, их возможные слабости, причины поражений и успехов, выделять их образцовые примеры. Всеобщность этой организации будет корениться не в обладании «истинной теорией», определенной раз и навсегда, но в том, что она будет стремиться выразить то, что скрыто присутствует как универсальное и имманентное в деятельности людей – как значение этой деятельности, превосходящее частные обстоятельства, в которых оно воплощается.

Такой коллектив, разумеется, можно организовать лишь способом, воплощающим и выявляющим цели, ради которых он действует: итак, он будет самостоятельно вести свои дела, будет самоуправляющимся. И, конечно, сегодня это не является данностью. Каким образом несколько тысяч людей, разбросанных по всей Франции, могли бы создать небюрократический (и не бардачный) политический коллектив, коллектив, действительно самостийный и самоуправляемый (ведь в самоуправлении присутствует не только *само-*, но и *управление*, о чем многие забывают)? – вот, на мой взгляд, одна из важнейших сегодняшних проблем. И, во всяком случае, она гораздо важнее, чем дискуссии о «Союзе левых сил» и т. д.

Но разве такая политическая организация – которая примерно соответствует тому, во что мы пытаемся превратить Объединенную социалистическую партию¹ – не

¹ ОСП (PSU) образовалась в 1960 г. в результате слияния «Автономной социалистической партии», «Социалистического левого союза» (первого объединения активистов, покинувших соцпартию и компартию, с левыми католиками из Французской конфедерации христианских рабочих) и группы оппозиционных коммунистов вокруг журнала «Трибуна коммунизма», вышедшей из Французской коммунистической партии после «венгерских событий 1956-го» (общее количество членов на момент создания – 20-30 тысяч). Наиболее активна в 1960-69 гг. В 1989 г. разделилась (когда часть ее членов в объединении с движением «Новые левые за социализм, экологию и самоуправление» образовали движение «Красная и зеленая альтернатива» (AREV), в 1998 г. преобразованное в «Альтернативы» («les Alternatifs»),

обречена на маргинализацию из-за самого формата политического взаимодействия сегодняшних политических институтов?

Здесь, кроме прочего, необходимо избавиться от расхожих идей, а именно, от идеи о том, что единственное политическое действие есть действие партийное, предполагающее муниципальных советников, депутатов и т. д. Каким было наиболее важное политическое событие во Франции за последние 20 лет, а то и больше? Май 68-го. А кто сделал Май 68-го? Какая партия сделала Май 68-го? Не было такой партии. Однако, десять лет спустя, Май 68-го является для сегодняшней Франции более значимым, нежели Парижская Коммуна для Франции 1881 г.

Однако лишь в каком-то смысле. Май 68-го потерпел крах; поскольку его события не привели к действительной политической трансформации, он вошел в историю лишь как колоссальное политическое движение.

Конечно, отчасти в каком-то смысле можно говорить, что Май 68-го стал «провалом». Сам я во время этих событий распространял текст (воспроизведенный вскоре в сборнике «Прорыв» (*La Brèche*), который мы с Мореном и Лефором опубликовали в конце 1968 г.), где я попытался показать, что необходимо организовать, учредить стабильные формы коллективного действия и существования. Ничего такого сделано не было по причинам, обсуждение которых потребовало бы сейчас слишком много времени. Но к этому не сводится безмерная позитивная важность Мая 68-го. Ведь он открыл и показал нечто основополагающее для всех: подлинное место политики не там, где раньше думали. Место политики – повсюду. Место политики и есть общество.

Но нет ли противоречия между утверждением, что крах Мая 68-го произошел от неспособности учредить какие бы то ни было социальные институты, с одной стороны, и критикой существующих институциональных форм, будь

ныне входящее в образованный в 2008 г и объединивший несколько французских левых партий для участия в выборах в Европейский парламент 2009 г «Левый фронт» (*Front de gauche*)), формально самораспустившись в апреле 1990 г. Среди прочих, членами ОСП были: философ Ален Бадью, премьер-министры Пьер Береговуа (1992-93) и Пьер Мендес-Франс (1954-1955), историки Пьер Видаль-Наке и Даниэль Герен. – *Прим. ред.*

то государственные институты или политические партии, с другой.

Противоречия нет – просто не надо путать эти существующие институты со всеми возможными институтами. Провал же – точнее говоря, *предел* – Мая 68-го заключался в неспособности учредить новые, иные институты: иные, разумеется, не по названиям, но в том, что касается их сущности. Сказать, что без разрушения государственного аппарата и без упразднения господствующих групп и институтов, производных от их господства, не может быть перехода на новую фазу социальной жизни, не значит утверждать, что автономное общество – это общество без институтов. Общество без институтов не существует; царство чистого желания также, в сущности, будет, например, утверждением желания убивать другого.

Что можно сказать, здесь и сейчас, об институтах нового, автономного общества? Во всяком случае, вот что: они воплощают автономию, а именно самостоятельное руководство, коллективную самоорганизацию, коллективное самоуправление во всех сферах публичной жизни. Это также означает, что эти институты не будут установлены раз и навсегда, они не окажутся отстраненными от устанавливающей деятельности общества. Вот почему, на мой взгляд, центральной – а в предельном случае даже единственной – политической проблемой является *явственное (explicite), сознательное* самостановление общества. Ее решение также предполагает как *новые* институты, так и *новый тип отношений* между обществом и его институтами.

Именно с этой точки зрения следует оценивать те движения, о которых мы говорим: представляют ли они новые, автономные, формы коллективной организации? Учреждается ли здесь *иной тип* отношений между людьми и их коллективной организацией, способствующий тому, чтобы они *действительно* ее контролировали? Вот где основополагающий критерий. Мы не осуждаем ни коммунистическую партию, ни какую-либо еще бюрократическую организацию за то, что они являются институтами; мы осуждаем их за то, что они – *бюрократические* институты, потому что эти институты и по форме, и по структуре, и по организации, и по идеологии

неизбежно являются гетерономными, отчужденными и отчуждающими, порабащивающими как для своих членов, так и для других людей.

Это значит, что следует провести ещё некоторые различия. Бесспорно: пока глобальное общество остается таким, каково оно есть, невозможно, чтобы полностью автономные организации существовали на сугубо конкретных секторах или участках. Ибо ни одну организацию невозможно отделить или изолировать от глобального общества; организации погружены в него, претерпевают его влияние и последствия происходящих в нем событий. Но это также не означает, что они с необходимостью и на 100% обречены на присвоение режимом. Здесь также необходимо изобличить абсолютистский псевдореволюционный предрассудок, согласно которому, либо должен быть радикальный и полный разрыв с системой, либо система присваивает движение на 100%. Это не так.

Остается проблема, как раз связанная с движениями частного общественного самоуправления, локализованного общественного творчества: если они не могут радикально преобразовать общество, не разрушив определенное количество его центральных институтов, то как способствовать их схождению для радикального преобразования общества? Какова объединяющая логика этих движений?

Чтобы увидеть, что существует подобная объединяющая логика, и понять ее, необходимо рассмотреть, как ставится подлинная проблема преобразования общества. В чем, помимо простых противоположностей интересов, корень социального конфликта при существующем режиме? Основополагающее противоречие капиталистического общества – будь то фрагментированное капиталистическое общество, как на Западе, или же тотальное и тоталитарное капиталистическо-бюрократическое общество, как на Востоке, в странах, неправоммерно называемых социалистическими – имманентно самой организации этого общества, имманентно разделению между правителями и исполнителями. Это разделение предполагает исключение людей из их собственной жизни, индивидуальной и коллективной. Я говорю о разделении между правителями и исполнителями, а не о старом,

характерном для политической философии, противопоставлении между правителями и управляемыми. Можно быть управляемым, но *лишь* исполнителем быть невозможно. А ведь режим пытается свести людей к функции сугубых исполнителей – он и обязан делать это – чтобы исключить для них возможность направлять свои собственные действия. Но в то же время он не смог бы выжить, если бы ему удалось реализовать эту цель в полной мере, навязав людям полную пассивность. (Мы ясно видим это на примере организации труда на современном предприятии).

Теперь все движения, о каких мы говорим, так или иначе, в большей или меньшей степени, имеют целью преодолеть и устранить разделение между правителями и исполнителями – между управлением и исполнением. В той мере, в какой они являются не просто подрывными движениями и движениями самовыражения, но также и движениями творческими, движениями социального самоустановления, в них выражаются и воплощаются устремленные к автономии чаяния людей. Тем самым они предвещают и подготавливают единственное радикальное преобразование общества, а именно: свершение автономного общества, которое впервые в истории берет на себя задачу самоуправления и само устанавливает для себя законы. Объединяющая логика этих движений и их связь с проектом радикального преобразования общества, содержится как раз в том, что они уже – пусть частично, отрывочно, запинаясь – воплощают главные политические смыслы: самостоятельное руководство, самоорганизацию, самоуправление, самоустановление.

ПРОЕКТ АВТОНОМИИ – НЕ УТОПИЯⁱ

Почему Вы не любите термин “утопия”?

Я не то, чтобы не люблю термин, я дорожу точным и первоначальным значением слов. Утопия – нечто такое, что имеет и не могло бы иметь места. То, что я называю революционным проектом, проектом индивидуальной и коллективной автономии (эти два состояния нельзя разделить) – не утопия, а социально-исторический проект, который может быть осуществлен, и ничто не указывает на его невозможность. Его осуществление зависит лишь от трезвой активности отдельных людей и народов, от их понимания, воли и воображения.

В последнее время термин утопия вошел в моду – не без влияния Эрнста Блоха, марксиста, более или менее приспособившегося к режиму ГДР и никогда не критиковавшего ни сталинизм, ни тоталитарные бюрократические режимы. Здесь он находил своего рода прикрытие, слово, позволившее ему отмежеваться от “реально существующего социализма”. Позднее это понятие было подхвачено Хабермасом. Поскольку после полного поражения марксизма и марксизма-ленинизма этот термин с “домарксистским” привкусом, казалось, оправдывал расплывчатую критику существующего режима путем апелляции к представлению об утопическом социалистическом преобразовании общества. В действительности, как раз наоборот: никто не может понять, если только не является философом-неокантианцем, как можно критиковать то, что существует, с позиций того, что *не может существовать*. Понятие утопии обманчиво.

ⁱ Беседа от 28 декабря 1992 г. с Джоселин Вольф и Бенжамен Кенель, опубликованная в обзоре “*Пропо*” (Страсбург), № 10, март 1993, стр. 34-40.

Что такое проект индивидуальной и коллективной автономии?

Это проект общества, где все граждане имеют действительно равную возможность принимать участие в законодательстве, управлении, юрисдикции и, наконец, в установлении общества. Это положение дел предполагает радикальные изменения существующих установлений. В этом отношении проект можно назвать революционным, само собой разумеется, что революция здесь отнюдь не значит: убийства и реки крови, уничтожение шуанов и взятие Зимнего дворца. Ясно, что этот проект очень далек от современной системы, действие которой, по сути, недемократично. Мы ложно называем наши режимы демократическими, хотя они являются *либеральными олигархиями*.

Как действуют эти режимы?

Это либеральные режимы – в основном они не прибегают к принуждению, а довольствуются своего рода расплывчатым полусогласием населения. Населения, окончательно проникнутого капиталистическим воображаемым, согласно которому целью человеческой жизни, якобы, является неограниченное расширение производства и потребления, так называемое материальное благополучие и т.д. Вследствие чего население оказывается полностью *приватизированным*. Формула 1968 года: “метро–работа–бай-бай” стала формулой: “автомобиль–работа–телевизор”. Население не участвует в политической жизни. Участвовать – не значит голосовать один раз каждые пять или семь лет за незнакомого человека или по неизвестным вопросам, которые система не позволяет вам узнать. Однако для того, чтобы произошли перемены, чтобы действительно возникло самоуправление, нужны определенные изменения в институтах, что позволили бы людям участвовать в руководстве общими делами; и, прежде всего, необходимо изменение отношения индивидов к самим институциональным установлениям и к общественной сфере (*choses publiques*), к *res publica*, что греки называли *ta koina* (общие дела (*les affaires communes*)). Ведь сегодняшнее господство олигархии и пассивность, т.е. приватизация, народа – это лишь две стороны одной медали.

Сделаем небольшое теоретическое отступление. Абстрактно говоря, в общественной жизни, с точки зрения политики, всегда существуют три сферы: *частная сфера* (sphère privée) жизни людей, в узком смысле слова; *публичная сфера* (sphère publique), где принимаются обязательные для всех, общественно (publiquement) санкционированные решения; и сфера, которую можно назвать *публично-частной* (sphère publique-privée), открытая для всех, но куда не должна вмешиваться политическая власть, даже если это власть коллективная, – там люди обсуждают, публикуют и покупают книги, ходят в театр и т. д. В настоящее время, особенно после Ханны Арендт, частная и публично-частная сферы перемешались, и это смешение постоянно возникает у тех интеллектуалов, которые говорят о “гражданском обществе”. Но противопоставления гражданского общества и государства (которое датируется концом XVIII века) недостаточно, оно не позволяет нам судить о демократическом обществе. Для этого нам нужно воспользоваться разделением на три сферы. Возвращаясь к древнегреческим понятиям, мы должны различать *oikos* (дом, частную сферу), *ekklesia* (собрание народа, публичную сферу) и *agora* (“рынок” и место встречи, публично-частную сферу). При тоталитаризме эти три сферы тотально спутаны. При либеральной олигархии одновременно имеет место более или менее отчетливое преобладание некоторой части: публично-частной сферы (“рынок”, экономика) над публичной сферой и подавление действительно общественного (publique) характера публичной сферы (в чем проявляется частный и секретный характер современного государства). Демократия – это правильное сочленение (articulation) трех сфер и становление публичной сферы как подлинно общественной. Это требует участия всех в управлении общими делами, что, в свою очередь, требует институтов, побуждающих к участию и дающих людям такую возможность. В свою очередь, это невозможно без *действительного* политического равенства. Это и есть истинное значение равенства – общество не может сделать всех равными так, чтобы все стали бы способны пробежать сто метров за десять секунд или прекрасно сыграть *Аппассионату*. Но оно может

сделать их равными в отношении их действительного участия в любой существующей в обществе установленной власти.

Это и есть проект автономии, осуществление которого, разумеется, порождает значительные проблемы. Никто единолично и заранее не может располагать их решением; только общество, если оно придет в движение, могло бы их разрешить.

Например, очевидно, что демократичное общество несовместимо с существующей сегодня огромной концентрацией экономической власти. Очевидно, что оно несовместимо с бюрократическим псевдопланированием. Имеется также вопрос свободы на работе. Граждане не могут быть рабами на протяжении пяти или шести дней своей рабочей недели и свободными по политическим воскресеньям. Таким образом, возникает цель самоуправления в сфере труда. Это то, что я на протяжении более чем сорока лет называю управлением производством самими производителями. Разумеется, это ставит свои проблемы, например – участия инженеров и специалистов в этом управлении. Это предполагает рынок, который был бы *настоящим рынком*, а не таким, как сейчас рынком, подчиненным монополиям или олигополиям, либо вмешательству государства. Все эти трансформации предполагают и идут рука об руку с антропологическим преобразованием современных индивидов.

Культура индивидов, в целом?

Мы можем, если захотим, назвать это культурой. Речь идет о прямой и глубокой связи, существующей между структурой индивидов и структурой системы. Сегодня индивиды конформны по отношению к системе, а система – по отношению к индивидам. Для того чтобы общество изменилось необходимы радикальные перемены в интересах и установках человеческих существ. Страсть к объектам потребления должна уступить место страсти к общим (commune) делам.

Как может возникнуть эта страсть к политическим делам? Как можно ей содействовать?

Я не знаю. Но мне известно, что она существовала в истории. Случались моменты и даже эпохи, когда индивиды страстно интересовались общественными делами. Они вы-

ходили на улицы, они предъявляли требования и добивались исполнения некоторого их числа. Если мы живем сейчас при либеральном режиме, так это не потому, что этот режим был пожалован правящими классами. Либеральные элементы в современных институтах – это отложения народной борьбы на Западе, идущей на протяжении веков, борьбы, начавшейся в X веке с борьбы городов за относительное самоуправление. Если сегодня мы обнаруживаем снижения тонуса и даже атрофию борьбы, никто не может сказать, что это и есть – конечное состояние общества. Конечного состояния общества нет, и никогда не может быть. Едва просохли чернила на текстах Фукуямы, как их идиотизм был блестяще доказан историей.

Если современное состояние апатии, деполитизации, приватизации продолжится, мы определено окажемся свидетелями глубочайших кризисов. Посмотрите вокруг незамутненным взглядом, сегодня стоит проблема окружающей среды, для решения которой не было сделано ничего; проблема того, что называют третьим миром, а в действительности – трех четвертей человечества; проблема разложения самих богатых обществ. Ибо уход народов из политической сферы, исчезновение социальных и политических конфликтов позволяет экономической, политической и медийной олигархии избежать всякого контроля. И далее это порождает режимы, пораженные крайней иррациональностью и структурной коррупцией.

Не сталкивается ли проект автономии, основанный на участии индивидов в коллективных делах, с летаргическим действием телевидения и средств массовой информации?

Современное телевидение это – средство коллективного оглушения. Во Франции мы еще не все выдвали. Здесь для рекламы фильм прерывается два или три раза, тогда как в Соединенных Штатах или в Австралии, например, рекламные паузы удваивают или утраивают продолжительность фильма. Но это не “американское” проклятие, а форма капитализма. Реклама, то есть спонсоры, правят средствами массовой информации. Фраппа и Шнейдерман в *Ле Монд* подчеркивают это: всю неделю более или менее интересные передачи идут в первом часу ночи. Если бы мы захотели поставить телевиде-

ние, радио и другие средства массовой информации на службу демократии, это потребовало бы огромных перемен не только в содержании передач, но и в самой структуре средств массовой информации. Сегодняшние средства массовой информации воплощают общество доминирования, как в своей материальной, так и в своей социальной структуре: один передающий полюс и бесконечное число анонимных, изолированных и пассивных зрителей. Роль средств массовой информации полностью соответствует *духу системы* и вносит мощный вклад в общее оглушение. Достаточно вспомнить то, как была “освещена” война в Персидском заливе.

Считаете ли Вы, что система, которую Вы критикуете, является современной? Живем ли мы в эпоху постмодерна, или Вы отвергаете это понятие?

Я уже критиковал понятие “постмодерн” в «Раздробленном мире» (*Le Monde morcelé*). Современность (*modernité*) продолжалась на протяжении примерно двух веков – с 1750 по 1950 гг. Затем мы вступили в то, что я называю *эпохой всеобщего конформизма*.

Современность заключалась в том, чтобы всегда подвергать сомнению все то, что уже было установлено в философии, в искусстве и в политике. Это феномен практически исчез около 1950 года. Дата конечно произвольная и схематическая, но именно около этого времени мощный творческий порыв, оживлявший Запад на протяжении двух веков, начал слабеть и почти полностью исчез.

Вы думаете, что идея прогресса больше не существует?

Идея прогресса, конечно, всегда существует – пусть даже она и оказывается все более и более подпорченной молью. Это воображаемое значение, которое продержалось столько, сколько оно продержалось, и которое еще продержится столько, сколько продержится. Но именно как *идея* она обманчива. В истории человечества можно говорить о прогрессе лишь в одной области, в области множественно-отождествляющего (которую я называю *множественно-отождествляющей (ensidique)*ⁱ,

ⁱ «ensidique» – неологизм Касториадиса, происходит от сокращения выражения «ensembliste-identitaire»: «множественно-отождествляющее» – прим. пер.

иначе – логико-инструментального. Например, существует прогресс – от кремния к водородной бомбе, потому что бомба может убивать лучше, чем кремний. Но в том, что касается фундаментальных вещей, говорить о прогрессе нельзя. Нет ни прогресса, ни регресса между Пантеоном и Собором Парижской Богоматери, Платоном и Кантом, между Бахом и Вагнером, между Альтамирой¹ и Пикассо. Но *существуют* разрывы: в Древней Греции с возникновением демократии и философии между VIII и V вв. до н.э. или в Западной Европе, начиная с X–XI вв., сопровождаемые гигантским множеством новых творений, которые доходят до высшей точки в современный (*moderne*) период.

В понятии прогресса присутствует, однако, мысль об улучшении судьбы следующего поколения по сравнению с поколением предыдущим. Разве не этот момент спланивал пролетариат в ходе индустриализации?

Улучшение согласно какому критерию? Капитализм построил всю социальную (*sociale*) жизнь на идее экономического “улучшения”, ставшего единственной принимаемой в расчет вещью – вещью, которая, однажды будучи достигнутой, должна в придачу обеспечить и все остальное. Маркс и марксизм последовали за ним по этому пути. Долгое время пролетариат в борьбе против эксплуатации имел единственной целью “улучшение” своего уровня жизни. Долгое время он стремился к этому по сути капиталистическому воображаемому, которое воспринял марксизм и которым проникся рабочий класс. Действительно, при капитализме имел место фантастический экономический рост (причем невообразимый даже для Маркса). Но, как мы теперь видим, он был куплен ценой невосполнимого ущерба для биосферы. И его условием также была борьба рабочих за рост вознаграждения за труд, а также за уменьшение продолжительности труда. Так возникли постоянно расширяющиеся внутренние рынки, без которых капитализм рухнул бы от кризисов перепроизводства, таким же образом рассасывается потенциальная безработица, вызванная повышением производительности труда. Сегодняшняя безработица обязана своим происхождением тому факту, что возрастающее повышение производительности труда после

¹ Наскальной живописью пещеры Альтамира – *прим. пер.*

1940 года сопровождалось очень незначительным, сокращением продолжительности работы – в отличие от периода с 1840 до 1940 гг., когда продолжительность рабочей недели резко сократилась с 72 до 40 часов. Эта навязчивая идея роста производства и потребления практически отсутствует в другие периоды истории. Как показал Маршалл Салинс (*Каменный век, век изобилия*), продолжительность работы в палеолитических обществах составляла от 2 до 3 часов в день и мы даже не могли бы назвать её работой в современном смысле слова, охота, например, была также коллективным праздником. В оставшееся время люди играли, разглагольствовали, занимались любовью. То, что мы называем “экономическим прогрессом” было достигнуто посредством превращения человеческих существ в машины для производства и потребления.

Можно ли находить удовольствие в работе?

Конечно, если работа имеет смысл для того, кто ее делает; это равно зависит от того, что производится, как и от организации производства и от роли работника в нем.

Во Франции три миллиона безработных. Как объяснить то, что социальный порядок не лопнул?

Очень хороший вопрос. Прежде всего, неизвестно продлится ли *statu quo* до бесконечности. Затем, бремя безработицы частично ограничено существованием службы социальной защиты, которой не следует пренебрегать. Но прежде всего, безработица неравномерно затрагивает разные социальные слои и группы населения. Нищета касается, прежде всего, определенных категорий населения, локальных или этнических, чья возможность протестовать ограничена, а маргинализация часто приводит к нарушениям и отклонениям от нормы; их противодействие не облекается в коллективные формы. Выше мы говорили об основном условии роста безработицы – о сохранении постоянной продолжительности труда, несмотря на рост его производительности. Имеется и другая причина: прекращение кейнсианской политики, направленной на поддержание глобального спроса – что в значительной мере сделало возможным послевоенное “слав-

ное тридцатилетие”ⁱ. От нее отказались в пользу дебильного неолиберализма: Тэтчер, Рейган, Фридман, «Чикаго-бойз»ⁱⁱ и т. д. Происходят абсолютно невероятные вещи. Например, в Швейцарии сейчас проявляется некоторый рост безработицы, и в ответ на это федеральное правительство сокращает расходы на общественные нужды! Это один к одному та же политика, что проводилась Гувером в Соединенных Штатах в начале Великой Депрессии 1929-1933 и Лавалем (по совету Жака Рюффа) во Франции в 1932-33. На дефляцию отвечают еще большей дефляцией. Реальность умственного разложения правящих слоев превосходит то, что теория могла бы разумно предвидеть.

Как Вы думаете, экологи или альтернативные партии могли бы явить это столь необходимое обществу возрождение?

Экологическое движение, как таковое, действительно является позитивным, но существующие экологические партии, с политической точки зрения, полностью близоруки. Они не видят неразрывной связи экологических проблем с главными проблемами общества и склонны превратиться в лобби, направленное на охрану окружающей среды.

В заключение, не могли бы Вы высказать Ваше мнение, о “праве вмешательства”, ведь в Вашем проекте автономии Вы подчеркивали важность признания самобытности другого на индивидуальном уровне?

Это очень сложная проблема. Вам известна знаменитая фраза Робеспьера: “Народы не любят вооруженных миссионеров”. Никто не может оспорить того, что ситуация ужасна во многих странах третьего мира, где потерпели крах попытки вживления “социализма” или либерального капитализма. В Сомали и Эфиопии – возвращение безграничной племенной вражды. В Индии – взаимное убийство индуистов и мусульман. В Судане – попытка исламистского правительства силой

i Послевоенный (1945-1975) период бурного экономического и демографического роста во Франции. – прим. пер.

ii Chicago Boys («чикагские мальчики») – группа чилийских экономистов, выучеников и последователей Фридмана и Харбергера, с 1973 г. сотрудничавших с режимом А. Пиночета с целью построения экономики «свободного рынка» в Чили и децентрализации её экономико-политической системы. В широком смысле – приверженцы «шоковой терапии» в реформировании (национальной) экономики. – Прим. пер.

навязать исламский закон христианскому и анимистскому населению Юга. Кровавый хаос в Афганистане. В некоторых республиках бывшего СССР – возвращение к власти коммунистов после убийства оппозиционеров. Безжалостные этнические войны на Кавказе и в бывшей Югославии, и т. д. Эти зверства никого не могут оставить равнодушным. С полным основанием мы полагаем, что некоторые значения, созданные нашими обществами и нашей историей, такие как уважение к жизни и телесной неприкосновенности, права человека, разделение политики и веры и т. д. – имеют, с точки зрения права, универсальную ценность. Но трагически ясно, что эти значения отброшены обществами – или государствами – охватывающими, быть может, четыре пятых мирового населения и что либеральные и марксистские иллюзии рухнули. Можем ли мы и должны ли мы навязывать их силой? Кто и как мог бы их навязать? Кто обладает моральным правом их навязывать? Лицемерие западных правительств в этом отношении очевидно. Соединенные Штаты, предприняв военное вмешательство в Панаму или против Ирака, поскольку на кону стояли особые интересы, не важно, какова их природа, воспротивились, однако, всякой интервенции на Гаити. Случай экс-Югославии ужасен, он – у наших дверей, и уже больше года по этой проблеме только и делают, что разглагольствуют. Продолжают разглагольствовать и посылать “гуманитарную помощь”. Но если подробный кризис случится между Россией и Украиной – будут ли говорить о вмешательстве? В то время, пока мы говорим, в Судане продолжается война, исламистское правительство Севера, стремится навязать *шариат* немусульманскому населению Юга. В значительной части она финансируется Ираном (который также финансирует египетских и магрибских интегралов). Почему такое равнодушие к зверствам суданского правительства? Потому, что ислам – слишком большой кусок, а также из-за нефти, и потому, что существует пороховой погреб Среднего Востока. Права человека систематически и цинично нарушаются в Китае, во Вьетнаме, в Бирме, в Индонезии (уничтожение большей части населения Тимора). Дойдет ли дело до “вмешательства”? Что это за право, карающее лишь

мелких жуликов и оставляющее в покое крупных гангстеров? Я думаю, что “право вмешательства” является типично кушнеровским¹ девизом.

В хорошем или в дурном смысле слова?

В кушнеровском смысле.

ⁱ В 1987 г. Бернар Кушнер (среди прочего – основатель организации «Врачи без границ» (1971), министр в ряде правительств Франции (здравоохранения (1992-93, 1997-99, 2001-02) при «социалистах», иностранных дел – при «либеральных консерваторах» (2007-2010)), опубликовал книгу “Le Devoir d’Ingenence” («Обязанность вмешаться»), в которой утверждал, что демократические государства не только имеют право, но и обязаны для защиты прав человека вмешиваться в дела иностранных государств, невзирая на их суверенитет. – *Прим. ред.*